

Человѣческая личность и сверхличныя цѣнности *)

II.

Личность предполагаетъ существованіе сверхличнаго, трансцендированіе за предѣлы личности къ сверхличнымъ цѣностямъ, наполненіе ея универсальнымъ содержаніемъ. Личность не можетъ оставаться замкнутой въ себѣ, она должна выходить къ другому, къ другимъ людямъ, къ обществу, къ космосу, къ Богу. Личность нуждается въ общеніи съ другими живыми существами и въ служеніи тому, что она переживаетъ, какъ высшее, какъ цѣнность, какъ святыню. Тогда только жизнь ея наполняется качественнымъ содержаніемъ. Личность не есть часть общества или часть космоса, но въ ней есть социальная и космическая сторона. Человѣкъ есть не только социальное существо, но онъ есть также и социальное существо и онъ призванъ реализовать свою личность и въ обществѣ, въ общеніи съ другими людьми. Реализація личности предполагаетъ выходъ за ея предѣлы, но съ сохраненіемъ ея неповторяемаго своеобразія. Эгоцентризмъ, который и есть главный результатъ первороднаго грѣха, разрушаетъ личность. Солипсизмъ, который признаетъ реальность только собственнаго я, есть отрицаніе личности. Философскій солипсизмъ есть рѣдкое направленіе мысли и не можетъ быть послѣдовательно проведенъ, но практическій солипсизмъ очень распространенъ. Человѣкъ очень легко дѣлаетъ себя центромъ мірозданія, все относитъ къ себѣ, смотритъ на міръ изъ глубокой ямы, въ которую заключилъ себя, и потому теряетъ перспективу міра, онъ не видитъ и не различаетъ реальностей, дѣлается неспособнымъ трансцендировать къ другимъ реальностямъ. Этотъ практическій солипсизмъ или эгоцентризмъ не видитъ солнца, освѣщающаго міръ. Реализація личности въ человѣкѣ предполагаетъ способность къ различенію. Но эгоцентризмъ болѣе всего мѣшаетъ

*) См. «Совр. Зап.» кн. 63.

различенію реальностей, различенію другихъ личностей. Всѣ люди немного эгоцентрики и имъ приходится бороться съ этой своей падшестью. Но для крайняго эгоцентрика все смѣшивается въ поглощенности собой и въ этой смѣшанности теряется личность, ибо личность есть различіе себя, отличіе себя отъ другихъ реальностей. Предѣлъ эгоцентризма есть обратное каррикатурное подобіе вхожденія челоуѣка въ единство божественной жизни (теозисъ). Крайній эгоцентрикъ можетъ любую идею и цѣнность превратить въ средство самоутвержденія. Любая эмоція можетъ размыкать челоуѣка и можетъ замыкать его въ себѣ. Даже смиреніе можетъ оказаться худшей формой гордости и помѣшательства на себѣ. Любовь къ какой-нибудь національной или соціальной идеѣ можетъ быть формой эгоцентризма. Прилагательное «личный», «личное» можетъ быть употребляемо въ отрицательномъ и порицательномъ смыслѣ эгоцентричности. Говоря «онъ очень личный челоуѣкъ», обозначаютъ этимъ не выраженность въ немъ личности, а помѣшательство на себѣ и неспособность выйти изъ себя. Открытіе личности въ «я» есть также непременно открытіе личности въ «ты», различіе «ты», способность выйти къ «ты», къ чему не способенъ эгоцентрикъ. Трансцендированіе личности, выходъ къ другому совершается двояко — черезъ отношеніе къ другимъ личностямъ же и черезъ отношеніе къ сверхличнымъ цѣностямъ и святынямъ. Качественное содержаніе личности возрастаетъ черезъ ея творческое общеніе съ «ты», съ другой личностью и съ соединеніемъ личностей, съ личностью челоуѣка и личностью Бога, и черезъ ея творческое отношеніе къ сверхличнымъ цѣностямъ и святынямъ, принимающее часто форму отношенія къ «идеямъ». Личность бѣдна и безсодержательна, если она не служитъ стоящимъ выше ея цѣностямъ и идеямъ. И личность можетъ быть подавлена и превращена въ средство цѣностями и идеями. Въ этомъ вся трудность судьбы личности. Отдавъ себя на служеніе высшей идеѣ личность можетъ достигнуть высоты и величія. Но на этомъ пути личность можетъ быть и совершенно поработана, не качественно наполнена, а опустошена. Челоуѣкъ можетъ быть одержимъ идеей, потерять равновѣсіе, сознаніе его можетъ быть страшно сужено. Для осуществленія поставленной себѣ цѣли люди легко превращаютъ эту относительную по своему значенію цѣль въ абсолютную святыню, этимъ они увеличиваютъ свою энергію въ борьбѣ. Особенно часто это происходитъ съ цѣностями политическими. Это можетъ быть такъ выражено: челоуѣческая личность стоитъ передъ цѣностями, которыя она долж-

на творчески осуществлять, и передъ идеями, превратившимся въ идолы. Личности въ ея стремленіи къ сверхличному содержанию подстерегають опасность идолотворенія. Въ идолы могутъ быть превращены и подлинныя цѣнности. Любая идея можетъ быть превращена въ идолъ и тогда она съѣдаетъ личность, дѣйствуетъ на нее разрушительно и дѣлаетъ людей жестокими. Люди идеи иногда бываютъ жестокими къ ближнему. Всякая абсолютизация относительнаго превращается въ идолотвореніе. Относительная и подчиненная цѣнность, если ей придать абсолютный характеръ, дѣлается пожирающимъ идоломъ. Когда частному и подчиненному предають характеръ всеобщій и верховный, то происходитъ идолотвореніе. Вся область политической жизни относится къ средствамъ, а не цѣлямъ жизни, которыя духовны, и она легче всего поражаетъ идолотвореніе. Процессъ идолотворенія играетъ колоссальную роль въ человѣческой жизни. Въ современномъ мірѣ онъ принялъ характеръ настоящей демонологіи. Но идолопоклонство въ нашемъ мірѣ приняло совсѣмъ новыя формы, отличныя отъ тѣхъ, которыя оно имѣло въ мірѣ библейскомъ.

Личности нѣтъ, если нѣтъ сверхличныхъ цѣнностей, и личности нѣтъ, если она превращена лишь въ средство для сверхличныхъ цѣнностей. Личности нѣтъ, если она не служитъ никакой идеѣ, и личности нѣтъ, если идея превратила личность лишь въ свое средство. Въ этомъ вся моральная трудность проблемы. Намъ можетъ одинаково возмущать, если живая конкретная личность приносится въ жертву идеѣ и если высшая идея приносится въ жертву интересамъ личности. Возмущаетъ безпощадное отношеніе къ человѣку во имя идеи. Очевидно все дѣло въ томъ, какъ понимается идея и какое отношеніе къ ней устанавливается. Личность сама есть идея и высшая цѣнность и ее никакъ нельзя отождествлять съ тѣмъ, что называется личными интересами, хотя бы и болѣе высокими интересами. Идея же тогда лишь можетъ быть признана высокой цѣнностью, если она не есть отвлеченная идея и не подавляетъ и не уничтожаетъ личности. Самая трудная проблема этики связана съ парадоксальнымъ соотношеніемъ личнаго и сверхличнаго въ человѣческой жизни. Рѣшеніе ея предполагаетъ свободу человѣка, она не можетъ быть рѣшена автоматическимъ примѣненіемъ отвлеченнаго закона или нормы. Трагизмъ человѣческой жизни лежитъ не столько въ столкновеніи добра и зла, сколько въ столкновеніи цѣнностей, между которыми человѣкъ долженъ дѣлать свободный выборъ. Всѣ идеи и сверхличныя цѣнности, которыя превращають человѣческую личность въ средство, дѣлають

ее подчиненной частью какого-либо отвлеченнаго цѣлаго и разрушаютъ цѣлостность личности, всегда означаютъ образование идеаловъ, превращеніе относительнаго въ абсолютное. Въ этомъ случаѣ не конкретно-универсальное наполняетъ жизнь личности качественнымъ содержаніемъ, а отвлеченно-общее подавляетъ личность. Всѣ относительныя цѣнности могутъ быть превращены въ идолы, все частичное можетъ заявить претензію на значеніе всеобщее. Это играетъ огромную роль въ современной жизни. Такими тоталитарныя притязанія современныхъ государствъ и идеологій. Государство, нація, общество, классъ, раса, наука, мораль, искусство, традиція — все можетъ сдѣлаться идоломъ и верховенствующей цѣнностью, подавляющей все остальное. Современное идолотвореніе связано не съ богами природы, а съ богами исторіи и цивилизаціи. Этатизмъ, націонализмъ, коммунизмъ, расизмъ, сциентизмъ, морализмъ, эстетизмъ — все это формы идолотворенія, формы абсолютизаціи относительнаго, подмѣны Бога богами. Склонность человѣка творить себѣ идолы и терять въ этомъ идолотвореніи свободу духа такъ велики, что и къ Богу, и къ церкви можетъ быть идолопоклонническое отношеніе. Живой Богъ можетъ стать идоломъ для людей и Ему поклоняются не въ духѣ и истинѣ. Богъ дѣлается отвлеченной идеей, пожирающей живыхъ людей. Къ церкви можетъ быть идолопоклонническое отношеніе и тогда церковь перестаетъ быть жизнью въ Духѣ. Клерикализмъ есть одна изъ формъ идолопоклонства. Только идолопоклонническая форма религіи мыслить себѣ Бога, какъ цѣль, а человеческую личность, какъ простое средство, т. е. мыслить себѣ духовныя отношенія по образцу отношеній существующихъ въ природѣ, государствѣ и социальной жизни. Но въ дѣйствительности только Богъ и есть та верховная цѣнность, которая никогда не превращаетъ человеческую личность въ свое средство. Государство, общество, нація, наука, техника, мораль — все можетъ превратить человеческую личность въ свое средство. Но именно Богъ этого никогда не дѣлаетъ. Въ этомъ тайна христіанства, какъ религіи Богочеловѣчества. Это есть тайна любви и свободы, какъ высшей духовной жизни, не похожей на жизнь этого міра. Всѣ идолы требуютъ человеческихъ жертвоприношеній, они жаждутъ крови, умилостивляющей ихъ. Идолопоклонническія формы богосознанія отражаютъ состояніе людей и на нихъ отпечатываются древніе человѣческіе инстинкты, кровавадныя и мстительныя. Современные идолы требуютъ кровавыхъ человеческихъ жертвоприношеній, ихъ требуютъ современные тоталитарныя государства. Это есть воз-

вратъ къ язычеству, къ до-христіанскому античному сознанию. И самое ужасное то, что идолопоклонство проникло и въ самое христіанство, христіане склонились передъ идолами, воздавали божескія почести кесарю, отказались отъ свободы духа, которая была завоевана христіанскими мучениками. Идолопоклонническое отношеніе къ Богу тоже требуетъ человѣческихъ жертвоприношеній. Но ихъ не требуетъ живой сушій Богъ. Христіанство есть религія божественной жертвы, къ которой христіане приобщаются въ любви. Христіанство не знаетъ отвлеченнаго добра и вообще какой-либо отвлеченной идеи, которой приносятся человѣческія жертвы, оно знаетъ лишь Бога и ближняго, конкретныя существа. Это значитъ, что христіанство персоналистично. Христіанская философія должна дѣлать различіе между конкретно-универсальнымъ и отвлеченно-общимъ.

Образованіе идоловъ имѣетъ свои неотвратимыя моральныя послѣдствія. Происходитъ отчужденіе совѣсти отъ личности и перенесеніе ея на гипостазированныя коллективы, на государства, народъ, классъ, расу, на церковь, понятую не какъ мистическое тѣло Христова, а какъ социальный институтъ, извѣстн детерминирующій человѣка. Этотъ процессъ эксторіоризаціи совѣсти имѣетъ наиболѣе яркіе примѣры въ коммунизмъ и національ-соціализмъ. Отчужденіе совѣсти отъ личности и значить лишеніе личности свободы духа, есть возвратъ къ античной религіи рода, города, государства, т. е. къ тому партикуляристическому сознанию, которое породило гоненіе на первохристіанъ со стороны міра языческаго. Христіанскій универсализмъ, не допускающій гипостазирования коллективовъ, имѣющихъ лишь частичное и подчиненное значеніе, есть обратная сторона христіанскаго персонализма, охраняющаго глубину совѣсти и свободу духа. Это означаетъ вѣрность евангельскому различію между царствомъ Божьимъ и царствомъ кесаря. Царство кесаря, къ которому принадлежатъ всѣ коллективы, претендующіе на тоталитарное значеніе, отождествляетъ себя съ царствомъ Божьимъ и требуетъ, чтобы ему воздавали Божье. Это было уже у Ж. Ж. Руссо, который хотѣлъ создать гражданскую религію и предлагалъ изгнать христіанъ изъ совершенной республики. Противопологается этому различію между сферой духа и духовной жизни и сферой общества, сферой жизни политической. Этотъ относительный дуализмъ преодолень можетъ быть только воздѣйствіемъ духа на общество, а не воздѣйствіемъ общества на духъ. Менѣе всего это означаетъ, что верховенство личной совѣсти есть замкнутость личности въ себѣ, наоборотъ, личная совѣсть предполагаетъ универсальное рас-

ширеніе личности. Принадлежность личности къ церкви, къ духовному обществу должна означать не отсутствіе личной совѣсти, а ея пропитываніе конкретно-универсальнымъ содержаніемъ, что и есть смыслъ живой, не омертвѣвшей традиціи. Возрастаніе духовности всегда означаетъ преодоленіе замкнутости личности, трансцендированіе въ сверхличную жизнь. Но эта сверхличная жизнь не можетъ означать гипостазированія какого-либо коллектива, принадлежащаго къ царству кесаря, и не дѣлаетъ личность подчиненной частью какого-либо внѣ ея находящагося цѣлаго. Богъ и божественное ближе къ глубинѣмъ человѣческой личности, чѣмъ она сама. Поэтому она совсѣмъ не экстеріоризируется, а еще болѣе интеріоризируется въ своемъ расширеніи. Въ этомъ тайна духовной жизни, отличной отъ жизни міра. Все принадлежащее къ царству кесаря можетъ быть лишь частичнымъ, не можетъ претендовать на всеобщее значеніе, на подчиненіе себѣ духовнаго начала въ человѣкѣ. Поэтому личность въ своей духовной борьбѣ неизбежно противостоитъ тоталитарнымъ притязаніямъ окружающаго міра. Тоталитарно лишь царство Божье, царство же кесаря, какъ и все въ этомъ мірѣ, лишь частично по своему значенію и не вмѣщаетъ полноты. Только человѣческая личность можетъ наполнять универсальнымъ содержаніемъ, какъ стоящей передъ ней безконечной задачей, это универсальное содержаніе непосильно для государства, для общества, для природныхъ реальностей, которыя не несутъ въ себѣ образа Божьяго. Въ этомъ смыслѣ церковь не можетъ быть мыслима, какъ коллективная личность, не можетъ быть гипостазирована. Церковь есть духовная реальность, связанная съ выходомъ человѣческой личности къ другимъ человѣческимъ личностямъ и къ Богу, съ духовной общностью, но не есть личность. Экзистенціальнымъ центромъ совѣсти остается личность, стоящая передъ Богомъ и ближнимъ. Максимальныя достиженія цѣнностей возможны лишь въ личности, а не въ реальностяхъ окружающаго міра, качества которыхъ зависятъ отъ качества личностей. Метафизически нужно сказать, что человѣчество и космосъ находятся въ личности, а не личность въ человѣчествѣ и космосѣ. Съ этимъ связана тайна личности, которая не можетъ быть выражена въ детерминирующемъ и генерализирующемъ мышленіи о природныхъ реальностяхъ. Въ этомъ вся трудность построенія философіи личности или персоналистической философіи.

Въ каждомъ человѣкѣ есть много безличнаго, безличнаго въ мышленіи, въ эмоціяхъ. Личность же во мнѣ есть мое цѣлостное мышленіе, мое цѣлостное чувствованіе, моя единая во-

ля. Личность есть я цѣлостный, единый во множественности, неизмѣнный въ измѣненіи. Личность есть отвѣтственность, она беретъ на себя отвѣтственность не только за себя, но и за другихъ, за міръ. Личность во мнѣ сопротивляется идущимъ извнѣ попыткамъ превратить меня въ простую функцію какого-либо нечеловѣческаго цѣлаго. Личность несогласна быть простымъ органомъ какого-либо организма, винтикомъ какой-либо машины, слугой какого-либо смысла, не имѣющаго никакого къ ней отношенія и съ ея судьбой несоизмѣримаго. Было бы очень грубой ошибкой отождествлять эту точку зрѣнія съ индивидуализмомъ. Индивидуумъ можетъ бунтовать противъ общества, противъ окружающаго міра, но онъ вполне однороденъ съ тѣмъ, противъ чего бунтуетъ. Личность же иного рода, несетъ въ себѣ иной образъ и имѣетъ въ себѣ иную силу. Индивидуализмъ есть эгоцентрическое замыканіе человѣка въ себѣ и онъ существенно противоположенъ всякому универсализму. Персонализмъ же не только совмѣстимъ съ универсализмомъ, но даже предполагаетъ универсальное содержаніе личности. Христіанство есть персонализмъ, но не есть индивидуализмъ. Въ своей социальной проэкціи индивидуализмъ связанъ съ капиталистическимъ строемъ, съ господствомъ личнаго интереса и конкуренціи въ хозяйствѣ. Онъ социально скомпрометированъ. Персонализмъ же долженъ имѣть совершенно иную социальную проэкцію, онъ какъ разъ благопріятенъ социализирующей тенденціи въ хозяйствѣ, такъ какъ требуетъ права на достойную жизнь и на трудъ для каждой человѣческой личности. Въмѣстѣ съ тѣмъ классовое общество находится въ противорѣчій съ верховнымъ достоинствомъ личности. Въ классовомъ обществѣ человѣкъ оцѣнивается не потому, что онъ есть, а потому, что у него есть, т. е. оцѣнивается не персоналистически и не въ силу своихъ личныхъ качествъ занимаетъ положеніе въ обществѣ. Достоинство человѣка опредѣляется или въ силу его рожденія, т. е. по родовымъ, а не личнымъ признакамъ, или въ силу его собственности, его богатства, т. е. опять-таки не по личнымъ признакамъ. Этика персонализма требуетъ вовсе не механическаго равенства личностей, которое невозможно и нежелательно. Личность есть различіе. Равенство въ сущности есть отрицательная и пустая идея, она предлагаетъ смотрѣть не на достоинство и возвышеніе человѣка, а на сосѣда. Но персонализмъ требуетъ утвержденія достоинства cadaquo человѣческаго существа и оцѣнки cadaquo человѣка по личному достоинству. Личныя неравенства людей всегда будутъ и они даже еще болѣе должны быть выявлены, духовно-аристократиче-

ское начало не можетъ быть уничтожено. Но не должно быть классовыхъ неравенствъ, подавляющихъ личность. Классовые признаки можетъ имѣть только индивидуумъ, какъ часть общества, онъ можетъ быть дворяниномъ, буржуа, крестьяниномъ, пролетаріемъ. Но личность есть духовное существо, она не есть часть общества и не можетъ имѣть классовыхъ признаковъ. Личность есть духовное противодѣйствіе всякому классовому положенію, всякой классовой психологіи, всякой попыткѣ ее социальнo классифицировать. Индивидуализму соответствуетъ классовое общество, персонализму соответствуетъ безклассовое общество, въ которомъ будетъ раскрыта болѣе чистая человѣчность. Марксисты хотятъ безклассоваго общества, но они вносятъ въ него рѣзко классовыя черты. Въ этомъ ихъ противорѣчіе, которое объясняется тѣмъ, что марксизмъ не знаетъ принципа личности, какъ принципа духовнаго. Личность связана не съ классомъ, а съ призваніемъ и съ профессіей. Персонализмъ не можетъ не быть социальнымъ, онъ предполагаетъ общеніе людей и хочетъ такого общенія людей, при которомъ признается верховная цѣнность всякой человѣческой личности и человѣкъ человеку не волкъ, какъ въ современномъ мірѣ, а братъ, если не братъ въ радости жизни, то братъ въ несчастьи и страданіи. Это предполагаетъ побѣду надъ властью денегъ въ человѣческой жизни, которая подвергаетъ людей въ царство фикцій. Персонализмъ хочетъ возвращенія къ подлиннымъ реальностямъ. Персонализмъ долженъ признать, что существуютъ цѣнности, которыя могутъ быть названы демократическими, и цѣнности, которыя могутъ быть названы аристократическими. При этомъ ошибочно было бы сказать, что первая низшаго порядка, вторая же высшаго порядка. Цѣнности социально-экономическія, связанныя съ правомъ на жизнь, на хлѣбъ, на трудъ, могутъ быть названы демократическими, но также и цѣнности религиозныя, связанныя со спасеніемъ. Культурныя цѣнности, связанныя съ философійей, съ искусствомъ, съ утонченностью души, а также цѣнности, связанныя съ мистикой, могутъ быть названы аристократическими.

Отношеніе между человѣческой личностью и тѣми обществами, въ которыхъ приходится жить на землѣ, всегда парадоксально и противорѣчиво. Тутъ невозможна полная гармонія и приспособленность. Никогда трагическій конфликтъ между личностью и обществомъ не будетъ вполнѣ преодоленъ. Преодоленіе возможно лишь въ царствѣ Божьемъ. Человѣкъ живетъ въ своемъ народѣ и несетъ въ себѣ черты своего народа, онъ связываетъ свою судьбу съ судьбой своего народа. Это

есть индивидуализация, безъ которой нѣтъ многообразія и богатства жизни. Человѣкъ не есть абстрактное существо, отвлеченное отъ всѣхъ индивидуальныхъ ступеней бытія, онъ вкореенъ въ конкретномъ. Но человѣкъ есть также личность, несущая въ себѣ свою цѣнность и свою высшую цѣль; онъ принадлежитъ не только природѣ и обществу съ происходящей въ нихъ борьбой за преобладаніе, онъ принадлежитъ также духовному міру, въ которомъ все по иному, не такъ, какъ въ этомъ мірѣ. Поэтому народъ, національность есть относительная, а не абсолютная цѣнность, и всякая попытка увидать тутъ верховную и абсолютную цѣнность есть идолотвореніе: Богъ не можетъ воплощаться въ народъ, Онъ воплотился въ человѣкъ. Нѣтъ эллина и нѣтъ іудея — это истина высшая и исповѣданіе этой истины можетъ привести къ конфликту личности съ народомъ, съ націей, если потребуютъ отреченія отъ этой истины. Богъ и божья правда, Божье царство выше народовъ съ ихъ партикуляристическими интересами. Богу нужно всегда повиноваться болѣе, чѣмъ людямъ. Человѣкъ выходитъ изъ природнаго материнскаго лона и естественна любовь всякаго къ своей родинѣ. Но какъ личность, осуществляющая Божью идею, человѣкъ имѣетъ также духовную родину и онъ не можетъ потерпѣть отреченія отъ этой родины. На этой почвѣ возможны конфликты, конфликты цѣнностей разнаго порядка. Въ этомъ сложность человѣческой жизни. Отношенія между человѣческой личностью и государствомъ могутъ быть еще болѣе трудными и опасными, хотя эмоционально и аксиологически они проще. Государство имѣетъ функциональное значеніе въ человѣческой жизни. Государство не есть реальная индивидуальность, какой можетъ быть признанъ народъ, государство не есть существо, призванное къ вѣчной жизни, какъ человѣческая личность и конкретно - индивидуализированныя общенія между человѣческими личностями. Государство кончается передъ царствомъ Божимъ. Оно претендуетъ на всеобъемлющее и всеохватывающее значеніе, ему свойственна воля къ могуществу и къ экспанси, но оно менѣе всего можетъ быть признано высшей сверхличной цѣнностью, это цѣнность подчиненная и всегда требующая ограниченія. Она необходима въ судьбахъ человѣческихъ обществъ, но наиболѣе необходимое не есть наиболѣе цѣнное. Скорѣе наоборотъ. Люди могутъ обойтись безъ Бога, т. е. они думаютъ, что могутъ обойтись безъ Бога, и они пытаются устроить свою жизнь безъ Бога. Богъ не есть необходимость, Онъ можетъ казаться роскошью. Но люди не могутъ обойтись безъ государства, всѣ самая револю-

ціонныя направленія кончають організаціей государства и даже государства деспотическаго. Это можно видѣть на примѣрѣ коммунизма, который приходитъ къ тоталитарному государству. Государство, не обладающее никакой высшей цѣнностью и по существу принужденное остановиться передъ царствомъ духа, претендуетъ не только на организацію политической и экономической жизни, но и на организацію душъ людей, ихъ духовной и умственной жизни. Это и есть то, что я называю диктатурой міросозерцанія, къ которой міръ сейчасъ все болѣе и болѣе склоняется. Но это создаетъ великій конфликтъ личности и государства, духа и государства, христіанства и государства, царства Божьяго и царства кесаря. Тутъ міръ стоитъ передъ выборомъ. Человѣческая личность лишь частично, а не всецѣло принадлежитъ царству кесаря и можетъ ему воздавать лишь кесарево, не Божье. Эта свобода духа навѣки добыта кровью христіанскихъ мучениковъ. Человѣческая личность не должна склоняться передъ идолами. Въ прошломъ христіане нерѣдко склонялись передъ кесаремъ и воздавали ему божескія почести. Нынѣ они за это расплачиваются. И можетъ быть значительность нашей эпохи въ томъ, что она ставитъ человѣка передъ обнаженными реальностями и передъ неизбѣжностью выбора. Исчезаетъ та нейтральность, которая все прикрывала, и человѣку трудно жить въ иллюзіяхъ и самообманахъ. Человѣкъ принужденъ вернуться къ самому себѣ, къ своей духовной свободѣ, полученной отъ Бога. Въ этомъ смыслѣ персонализма.

Безспорно, культура есть великая цѣнность. Культура въ іерархіи цѣнностей должна занимать болѣе высокое мѣсто, чѣмъ политика и политическія формы, она болѣе относится къ цѣлямъ жизни. Культура относится къ внутренней, духовной жизни людей, она связана съ качествами людей и потому ей должны принадлежать примать надъ внѣшними формами жизни. Культура народа болѣе говоритъ о его достиженіяхъ, о его призваніи, о мѣстѣ, которое онъ занимаетъ въ мірѣ, чѣмъ формы государства или хозяйства. Примать культуры есть примать духовнаго. Музыка какого-нибудь народа передъ лицомъ Божиимъ важнѣе его пушекъ и авіонозовъ. Но и цѣнности культуры могутъ быть предметомъ идолотворенія. Культуропоклонство есть также одна изъ формъ идолопоклонства. Культура не есть послѣднее, она не можетъ претендовать на абсолютное и всеобщее значеніе. Есть сфера, которая стоитъ выше культуры и къ которой человѣкъ долженъ возвышаться. Человѣческая личность не есть средство для реализаціи культурныхъ цѣнно-

стей. Живыя существа, призванныя къ вѣчной жизни, стоятъ выше культурныхъ цѣнностей. Нельзя себѣ дѣлать идолы изъ науки и искусства и ставить ихъ выше живой человѣческой личности. Науки и искусства суть качественныя достиженія человѣческой личности, а не вѣкъ ея находящіеся предметы, не реальности, поставленныя надъ человѣческой личностью. Надъ культурой, превратившейся въ самоцѣль, культурой ставшей формальной, будетъ страшный судъ. Какъ ни велика, напр., цѣнность науки, но обоготвореніе науки въ сѣнтизмъ есть величайшая ложь, аналогичная обоготворенію государства въ эгизмъ. Наука есть лишь одна изъ функций человѣческаго духа, а не высшее начало, опредѣляющее всю жизнь человѣка. Такая же ложь получается, когда литература подмѣняетъ жизнь, когда жизнь отождествляется съ литературой и видна лишь изъ литературы. Это одна изъ болѣзней культурнаго человечества, она всего сильнѣе чувствуется въ утонченной культурѣ Франціи.

Въ сущности столкновеніе живой, конкретной человѣческой личности съ міромъ цѣнностей, превратившихся въ идолы и подавляющихъ личность, есть столкновеніе съ исторіей. Личность поставлена передъ исторіей и ввергнута въ нее. Исторія есть судьба человѣческой личности и невозможно избѣжать этой судьбы. Но существуетъ глубокой трагической конфликтъ личности и исторіи. Личность активна въ исторіи, осуществляетъ въ ней свое призваніе. Но исторія равнодушна къ личности, смотритъ на нее какъ на свой матеріалъ и причиняетъ ей величайшія страданія. Это особенно чувствуется въ нашу эпоху, когда исторія наиболѣе вторгается въ жизнь человѣка, требуетъ отъ человѣка служенія своимъ цѣлямъ и не оставляетъ для человѣка даже свободы его интимной жизни. Сейчасъ никуда нельзя укрыться отъ исторіи, какъ можно было въ прежнія эпохи. Исторія осуществляетъ свои сверхличныя и сверхчеловѣскія цѣли, пользуясь человѣкомъ лишь какъ своимъ орудіемъ. Она дѣйствуетъ путемъ хитрости разума (выраженіе Гегеля). Она пользуется склонностью человѣка творить миѳы и создавать себѣ идолы и этимъ путемъ осуществляетъ своя цѣли. Человѣкъ падаетъ жертвой своего миѳотворчества и идолотворенія. Наша эпоха полна миѳовъ и идоловъ — миѳъ избранной расы, миѳъ избраннаго класса, миѳъ о могуществѣ, миѳъ о счастьѣ, миѳъ о техникѣ, какъ властителѣ жизни, миѳъ о войнѣ, страшной и прекрасной, и мн. другіе. Происходитъ какъ бы разрывъ между человѣкомъ и исторіей, и исторія естественно оказывается сильнѣе человѣка. Самое могущество человѣка на-

правлено противъ него. Исторія дѣлается для большого числа и она порождаетъ конфликтъ между личностью и массой. Исторія не можетъ разрѣшить конфликта между человѣческой личностью, индивидуальной человѣческой судьбой и своимъ жестокимъ, внѣчеловѣческимъ путемъ, основаннымъ на господствѣ общаго, большого числа. И потому христіанство учитъ, что исторія должна кончиться, она не можетъ быть безконечной, она не есть вѣчность. Смыслъ исторіи въ томъ и заключается, что она должна кончиться, что надъ ней будетъ судъ. Объ этомъ забываютъ даже христіане. Дѣланіе человѣческой исторіи есть также уготовленіе конца. Это есть истина христіанскаго персонализма, который требуетъ не пассивности человѣка, а еще болѣшей его активности, но иной, чѣмъ въ современномъ активизмѣ.

Принято говорить, что міръ сейчасъ идетъ въ разныхъ формахъ къ коллективизму, враждебному человѣческой личности и желающему ее себѣ окончательно подчинить. Центръ нравственнаго сознанія переносится на коллективы. Но такъ ли это ново? Форма новая, но самый принципъ подчиненія личныхъ сужденій коллективнымъ очень старый, исконный. Въ сущности во всѣ времена, съ первобытныхъ клановъ большая часть людей опредѣлялась въ своемъ сознаніи, въ своихъ сужденіяхъ и оцѣнкахъ той соціальной группой, къ которой они принадлежали, городомъ, національностью, сословіемъ, классомъ, полкомъ, профессиональной группой, господствующимъ общественнымъ мнѣніемъ. Лишь немногіе были способны къ личнымъ сужденіямъ, къ личной оригинальности, къ подлинной духовной свободѣ. Принципъ личности, принципъ свободы въ духовномъ смыслѣ аристократическій и большее число, всегда господствовавшее въ исторіи, мало было способно опредѣляться лично и свободно. Ново то, что въ нашу эпоху общество унифицируется и коллективное сознаніе универсализируется. Современный человѣкъ разомъ и социализированъ, принужденъ быть существомъ общественнымъ, почти лишены права на уединеніе и на внутреннюю жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ глубоко одинокъ, болѣе одинокъ, чѣмъ въ прежнія эпохи. Было уже сказано, что личность можетъ реализовать себя лишь въ общеніи съ другими. Она глубоко нуждается не столько въ *Gesellschaft*, къ которой она часто принадлежитъ по принужденію, сколько въ *Gemeinschaft*. Ошибка коммунизма, равно какъ и фашизма, заключается въ предположеніи, что можно такими же путями внѣшней принудительной организаціи создать братство людей, *Gemeinschaft*, какими создается внѣшнее об-

щество. Соціально болѣе справедливое общество можно создать путемъ внѣшней переорганизациі общества, но такъ нельзя создать братство людей, общество духовное. Братство всегда предполагаетъ отношеніе личности къ личности, оно персоналистично. Совершенно ошибочно раздѣлять личные акты и акты социальныя. Всякій личный актъ въ человѣческой жизни имѣетъ социальную прозекцію и связанъ съ отношеніемъ чловѣка къ другимъ людямъ. И за всѣми социальными актами стоятъ личные акты и качество социальныхъ актовъ опредѣляется качествами личностей ихъ совершающихъ. Нельзя создать совершеннаго общества изъ плохого чловѣческаго матеріала, отвлекаясь отъ личностей, которыя стоятъ за всякимъ обществомъ. И нельзя достигнуть личнаго совершенства, творя социальную неправду, поработавъ или эксплуатируя своихъ ближнихъ въ социальныхъ отношеніяхъ. Персонализмъ не можетъ не быть социальнымъ, комюотарнымъ, социальность же не можетъ не быть персоналистической. Но никогда тайна чловѣческой личности не можетъ окончательно изойти въ общество. Личность лишь частично социальна, лишь частично принадлежитъ царству кесаря.

Существованіе личности есть разрывъ въ мірѣ, перерывъ въ процессѣ, происходящемъ въ мірѣ, есть свидѣтельство о томъ, что міръ не самодостаточенъ. Въ мірѣ вторгается существо, несущее въ себѣ не образъ міра, а образъ высшаго бытія, образъ Божій, существо призванное къ активной жизни во времени, но предназначенное къ вѣчности, существо противорѣчивое, пересѣченіе двухъ міровъ. Поэтому существуетъ несоизмѣримость между личностью и міромъ. Соотношеніе между личностью и міромъ не можетъ быть измѣрено математическимъ числомъ, не можетъ быть выражено какъ отношеніе части и цѣлаго. Никакія сверхличныя цѣнности не могутъ быть признаны цѣлью, въ отношеніи которой личность есть средство. Съ этимъ связана діалектика идолотворенія. вмѣстѣ съ тѣмъ реализація личности въ чловѣкѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что чловѣкъ есть существо себя трансцендирующее, трансцендирующее къ высотѣ, къ тому, что больше, чѣмъ чловѣкъ и чловѣческое. Трансцендированіе принадлежитъ къ существеннымъ признакамъ личности. Реализація личности не допускаетъ самодовольства и самодостаточности. Этимъ опредѣляется сложная діалектика личнаго и сверхличнаго. Ложь гуманизма заключалась въ признаніи самодостаточности чловѣка, въ допущеніи, что чловѣкъ можетъ реализовать полноту своей чловѣчности безъ сверхчловѣческаго, безъ Бога. Но ложному гума-

низму противоплагается истинный интегральный гуманизмъ, который мыслить осуществленіе и полноту челоуѣчности въ соотношеніи съ высшимъ духовнымъ началомъ. Окончательная интегральная челоуѣчность, окончательная интегральная реализація личности не могутъ быть мыслимы въ предѣлахъ этого міра и предполагають трансцендированіе къ міру иному. Но верховная цѣнность всякой челоуѣческой личности, какъ принципъ не только индивидуальный, но и социальный, указываетъ путь въ этомъ мірѣ, цѣль борьбы. Это требуетъ спиритуализаціи и этизаціи тѣхъ процессовъ, которые происходятъ въ мірѣ и слишкомъ часто носятъ характеръ скорѣе бестіальный, чѣмъ челоуѣческій. Правда не зависитъ отъ того, побѣждаетъ ли она въ этомъ мірѣ, она остается правдой и тогда, когда она распинается.

Николай Бердяевъ.